

Танина Мария Алексеевна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
информатики и общегуманитарных наук
Пензенского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
<https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Юрасов Игорь Алексеевич

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры менеджмента,
информатики и общегуманитарных наук
Пензенского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации;
профессор кафедры государственного
управления и социологии региона
Пензенского государственного университета,
директор аналитического центра прикладных
исследований Института регионального развития
Пензенской области
<https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

Юдина Вера Александровна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
информатики и общегуманитарных наук
Пензенского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
<https://orcid.org/0000-0002-0387-0314>

Зябликова Ольга Александровна

кандидат экономических наук,
доцент кафедры менеджмента,
информатики и общегуманитарных наук
Пензенского филиала Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации
<https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

**ЦИФРОВАЯ ПРОТЕСТНАЯ
АКТИВНОСТЬ В ПРОВИНЦИАЛЬНЫХ
ГОРОДАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ***

Аннотация:

Цифровой протест в провинциальных городах России кардинальным образом отличается от виртуальной протестной активности мегаполисов. Если в мегаполисах типичной формой цифровой политической протестной активности является оппозиционная политическая активность, то в провинции наиболее популярными темами в социальных сетях являются: решение вопросов, связанных с хобби, увлечениями, экологическая тематика, решение местных социально-экономических вопросов, таких как проблемы обманутых дольщиков и др. Несмотря на видимый интерес к выборам, оппозиционным партиям и движениям, жители российской провинции не доверяют большинству «раскрученных» лидеров политической оппозиции в крупных городах и мегаполисах. Такое положение дел свидетельствует о расколе России на страну мегаполисов и страну провинциальных городов, о различных системах ценностей провинциальной и столичной России, что может негативным образом сказаться на развитии политической обстановки в будущем.

Tanina Maria Alekseevna

PhD in Economics, Associate Professor,
Management, Informatics
and Human Sciences Department,
Penza branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
<https://orcid.org/0000-0001-7311-6280>

Yurasov Igor Alekseevich

D.Phil. in Social Science, Associate Professor,
Professor, Management, Informatics
and Human Sciences Department,
Penza branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation;
Professor, Public Administration
and Region Sociology Department,
Director, Analytical Center for Applied Research,
Regional Development Institute
of the Penza region
<https://orcid.org/0000-0002-4884-6422>

Yudina Vera Alexandrovna

Associate Professor,
Management, Informatics
and Human Sciences Department,
Penza branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
<https://orcid.org/0000-0002-0387-0314>

Zyablikova Olga Alexandrovna

Associate Professor,
Management, Informatics
and Human Sciences Department,
Penza branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation
<https://orcid.org/0000-0002-1624-0071>

**DIGITAL PROTEST ACTIVITY
IN PROVINCIAL CITIES
OF MODERN RUSSIA**

Summary:

Digital protest in Russian provincial cities is fundamentally different from such protest activity of metropolitan cities. The typical forms of digital political protest activity in metropolitan cities is oppositional political activity, while in the provincial cities the most popular topics on social networks are: solving hobbies-related issues, environmental issues, local socio-economic problems, such as the problems of defrauded equity holders etc. Despite the apparent interest in the elections, opposition parties and movements, residents of the Russian provincial cities do not trust the major popular leaders of the political opposition in large cities and metropolitan areas. This testifies to the split of Russia into a country of metropolitan cities and a country of provincial ones, different value systems of provincial and capital Russia, which may negatively affect the development of the political situation in the future.

* Публикация подготовлена по результатам выполнения исследования в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 20-011-31060 на тему «Протестная активность в сетевом информационном пространстве провинциального города: дискурс, структура, ценности»

Ключевые слова:
мегаполис, провинциальный город, цифровой протест, ценности, интересы

Keywords:
metropolitan cities, provincial cities, digital protest, values, interests

---

На современном этапе социально-экономического развития в связи с процессами виртуализации и цифровизации в глобальном социуме растет интерес к анализу конфликтов, форм социально-политических, социально-экономических протестов в сетевом информационном пространстве. Существует большой массив отечественных [1] и зарубежных публикаций [2], исследующих феномен цифрового протеста молодежи, протестной активности в мегаполисах. Все они касаются протестов в виртуальной среде по поводу социально-политических и социально-экономических проблем.

Актуальность исследования определяется важностью социотехнического анализа цифрового протеста для всего общества, так как протестные настроения в сетевом информационном пространстве могут привести к росту экстремизма в обществе, ксенофобии, которые чреваты межнациональными и межрелигиозными конфликтами. При этом в отечественной социологии особое внимание уделялось социологическому исследованию цифровой протестной активности в мегаполисах и практически не затрагивался виртуальный протест в провинции.

Протест – это обычная реакция общества на конкретную ситуацию в какой-либо сфере жизни людей. В основе протеста лежит оценочная деятельность людей, которые верифицируют то или иное положение вещей как отрицательное, недопустимое [3, с. 65]. При этом социальные диспропорции, касающиеся интересов отдельного гражданина и общества в целом, лежат в основе формирования протестной активности.

Протестная активность в социумах является особым видом социальной активности, который проявляется в форме открытой негативной реакции на складывающуюся ситуацию в общественно-политической сфере страны [4, с. 144]. В качестве форм социальной протестной активности на современном этапе социально-экономического развития выступают митинги, пикетирование, демонстрации, кампании гражданского неповиновения, голодовки, забастовки, прогулы, терроризм, «протестное голосование», обращения в суд, экстремистские акции, жалобы, вооружённая борьба и т. п.

В качестве новой формы социально-политического и социально-экономического недовольства выступает виртуальная протестная активность, которая реализуется в форме нарастания интенсивности сетевых взаимодействий в виде присоединения к группе или сообществу в интернет-сетях, активного участия в интернет-дискуссиях, распространения или блокировки, одобрения, или неодобрения информации, вовлечения широких слоев населения в протестную риторику, быстрой реакции на возникающие в социально-экономической сфере проблемы и т. д. [5, с. 225].

Специфику традиционного и цифрового протеста определяет особенность городского пространства, городские ценности провинции и мегаполиса. Главное социологическое отличие мегаполиса от провинции состоит в специфике течения социального времени. В мегаполисе время идет быстрее и интенсивнее, в провинции медленнее. Таким образом складываются различные системы ценностей, которые и определяют цифровой политический и экономический протест. Если мегаполисы концентрируют свою протестную активность на политической повестке дня, на недоверии к существующей власти, выступают против существующей системы государственного управления, то провинции интересна несколько другая повестка. Специфика российского провинциального города состоит в:

- наличии противоречий между традиционными, индустриальными и постиндустриальными отношениями;
- доминировании технической модернизации при отсутствии или слабом проявлении социальных инноваций;
- дифференциальной урбанизации и дезурбанизации;
- неформальной занятости и «гаражной экономике».

Все это является причиной институциональных ловушек.

Авторское исследование проводилось в июле–октябре 2020 г. В ходе исследования были опрошены респонденты из провинциальных российских городов, входящих в 24 региона России, от Калининграда до Хабаровска.

В опросе приняли участие 1 610 человек (см. таблицу 1), распределение по половому признаку: 56,9 % – женщины, 43,1 % – мужчины, возраст респондентов варьируется в пределах 16–83 лет, значительная доля респондентов (41,7 %) имеют высшее образование.

Таблица 1 – Распределение респондентов по месту проживания

№ п/п	Место проживания респондентов	Доля респондентов, %
1	Пензенская область	12,1
2	Хабаровский край	5,5
3	Самарская область	4,9
4	Саратовская область	4,8
5	Чеченская республика	4,8
6	Нижегородская область	4,7
7	Краснодарский край	4,6
8	Мурманская область	4,5
9	Оренбургская область	4,5
10	Республика Мордовия	3,9
11	Свердловская область	3,8
12	Республика Башкортостан	3,7
13	Тульская область	3,6
14	Республика Дагестан	3,6
15	Ульяновская область	3,5
16	Новосибирская область	3,6
17	Тюменская область	3,4
18	Архангельская область	3,2
19	Камчатский край	3,1
20	Карачаево-Черкесская Республика	3,2
21	Рязанская область	3,1
22	Ямало-Ненецкий автономный округ	2,9
23	Ханты-Мансийский автономный округ	2,7
24	Забайкальский край (Читинский район)	2,3
25	Итого	100

Данные таблицы 2 показывают, что в последние 2–3 года для респондентов наибольший интерес в социальных сетях и онлайн-СМИ вызывают следующие темы:

- решение социальных проблем местных жителей;
- решение вопросов защиты прав человека, меньшинств и др.;
- борьба за сохранение природы, экологическую безопасность;
- решение вопросов, связанных с профессиональной деятельностью;
- решение вопросов, связанных с увлечениями и хобби.

Наименьший интерес вызывают темы, связанные с поддержкой политических партий, кандидатов, проведением акций, участием в волонтерской деятельности и защитой экономических интересов, защитой обманутых дольщиков. Эти данные свидетельствуют о формировании специфической провинциальной повестки дня цифрового протеста в России.

Таблица 2 – Распределение ответов на вопрос: «В последние 2–3 года интересуетесь ли Вы следующими темами в социальных сетях и онлайн-СМИ?», %

Сфера интересов	Часто читаю, комментирую или пишу сообщения	Иногда читаю, комментирую или пишу сообщения	Очень редко читаю, комментирую или пишу сообщения	Никогда не читаю и не пишу на эту тему
Решение вопросов, связанных с увлечениями, хобби	38,4	30,3	19,0	12,3
Решение вопросов, связанных с профессиональной деятельностью	25,7	31,7	22,9	19,7
Решение вопросов защиты прав человека, меньшинств и др.	24,2	31,7	25,6	18,5
Борьба за сохранение природы, экологическую безопасность	22,9	30,8	28,1	18,2
Решение социальных проблем местных жителей	19,2	32,9	29,1	18,8
Поддержка политических партий, кандидатов, проведение акции	17,7	15,3	29,1	37,9
Защита экономических интересов, защита обманутых дольщиков	16,2	16,2	32,4	35,2
Участие в волонтерской деятельности	14,9	21,6	32,2	31,3

Анализируя свое поведение в сети Интернет, большинство респондентов отмечают, что они подписаны на онлайн-сообщества, обсуждающие политические темы (25,1 %), на актуальные политические ресурсы органов государственной власти (16,6 %) актуальные политические

ресурсы оппозиционных политических сил (14,1 %). 39,6 % опрошенных ничего из перечисленного не делали (рисунок 1).

Рисунок 1 – Распределение ответов на вопрос: «Укажите, что из нижеперечисленного характеризует лично Вас и Ваше поведение в сети Интернет, что из нижеперечисленного лично Вы делаете онлайн?», %

Отвечая на вопрос: «Что из нижеперечисленного лично Вы делали в реальной жизни?», большинство респондентов отмечают, что участвовали в голосовании на выборах (40,8 %) и подписывали обращения, петиции (24,4 %). Участниками собраний и акций протеста были 5,4 % респондентов (рисунок 2).

Рисунок 2 – Распределение ответов на вопрос: «Что из нижеперечисленного лично Вы делали в реальной жизни?», %

Большинство респондентов либо никогда не сталкивались в Интернете и социальных сетях с сообщениями, призывающими к участию в акциях политического и/или гражданского протеста (38,6 %), либо сталкивались редко (41,2 %). Это может свидетельствовать о реальном низком уровне интереса жителей провинциальной России к проблемам политического протеста в нашей стране. 20,2 % опрошенных достаточно часто встречают сообщения подобного рода (раз в неделю и чаще). Респонденты, которые сталкивались с сообщениями, призывающими к участию в акциях политического и/или гражданского протеста, отмечают, что данные сообщения были посвящены несправедливым решениям власти (17,3 %), борьбе с коррупцией (14,8 %), ущемлению прав граждан (14,1 %), нарушениям при организации и проведении выборов (11,3 %), ущемлению прав меньшинств (9,7 %), ограничению интернет-прав (7,3 %), защите своих экономических интересов (обманутые дольщики) (6 %) и защите прав коренного населения (4,4 %). Среди предложенных респондентами вариантов ответа присутствуют: «экология», «акции против поправок в Конституцию» и «все акции в основном направлены против правления В.В. Путина». Большинство респондентов опасаются смены власти в России, справедливо видя в этом угрозу своим экономическим интересам.

Реакция респондентов на сообщения, призывающие к участию в акциях политического и/или гражданского протеста, неоднозначна. Большинство опрошенных либо прочитывают дан-

ные сообщения, внимательно знакомятся с ситуацией (35,8 %), либо пропускают и не вчитываются в детали (28,5 %). Однако есть респонденты, которые после прочтения данных сообщений ищут единомышленников в своем кругу (2,8 %), обязательно принимают участие в акциях протеста (1,2 %) и связываются с организаторами, интересуются, чем могут быть полезны (0,8 %).

Из данных таблицы 3 видно, что респонденты наиболее информированы о таких лидерах оппозиции как Ксения Собчак (90 %) и Алексей Навальный (88,1 %), а наименее информированы о Евгении Альбац (12,4 %) и Владимире Кара-Мурза младшем. (13,8 %).

Таблица 3 – Распределение ответов на вопрос: «Знаете ли и поддерживаете ли Вы следующих лидеров оппозиции?», %

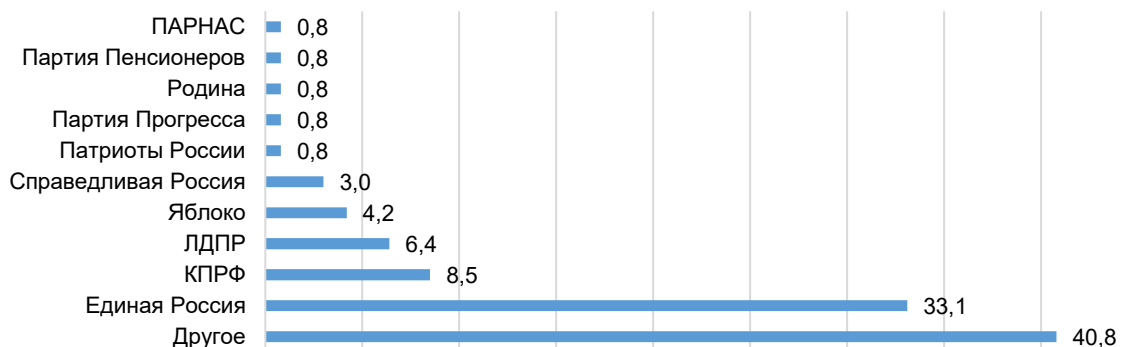
№ п/п	Лидер оппозиции	Уровень информированности		Уровень поддержки	
		Знаю	Не знаю	Поддерживаю	Не поддерживаю
1	Алексей Навальный	88,1	11,9	37,0	63,0
2	Геннадий Гудков	33,5	66,5	13,7	86,3
3	Александр Невзоров	45,4	54,6	13,4	86,6
4	Ксения Собчак	90,0	10,0	13,1	86,9
5	Илья Яшин	32,0	68,0	12,8	87,2
6	Михаил Ходорковский	54,7	45,3	11,1	88,9
7	Гарри Каспаров	41,4	58,6	10,7	89,3
8	Дмитрий Гудков	35,9	64,1	10,6	89,4
9	Лев Пономарев	21,5	78,5	10,4	89,6
10	Евгения Альбац	12,4	87,6	10,3	89,7
11	Борис Вишневский	31,3	68,7	9,2	90,8
12	Владимир Кара-Мурза младший	13,8	86,2	9,2	90,8
13	Михаил Касьянов	38,3	61,7	9,1	90,9
14	Ольга Романова	18,8	81,2	8,8	91,2
15	Виктор Шендерович	18,4	81,6	8,7	91,3
16	Леонид Гозман	28,8	71,2	7,7	92,3
17	Николай Сванидзе	31,2	68,8	7,1	92,9

Уровень поддержки лидеров оппозиции достаточно низкий. Наибольшей поддержкой среди респондентов пользуется Алексей Навальный (37 %), наименьшей – Николай Сванидзе (7,1 %) и Леонид Гозман (7,7 %).

Хотя Ксения Собчак наиболее известна среди респондентов (90 %), ее поддерживают лишь 13,1 % опрошенных. Только 9,1 % респондентов могут назвать протестных лидеров своего региона. Ответы респондентов: Мария Евдокимова, Дарья Карташова, Антон Струнин, Фургал, Баранова Галина Георгиевна, Николай Бондаренко (КПРФ), Ю. Анидалов, Алексей Навальный, Дегтярев, Вячеслав Мальцев, Егор Алашеев, Михаил Матвеев, Падалкин (Левый фронт), Лидин.

Большинство респондентов (91,3 %) не посещают закрытые и заблокированные интернет-порталы протестной тематики. Лишь 5 % опрошенных заходят на такие сайты. При этом уровень доверия к информации, представленной на этих порталах, находится на низком уровне. Только 3,9 % респондентов полностью доверяют данной информации. Большинство респондентов (86,9 %) не посещают закрытые телеграм-каналы протестной тематики, читают их 8,6 % опрошенных. Уровень доверия к информации, представленной на этих каналах, находится на низком уровне – полностью доверяют данной информации 4,6% респондентов.

Партийные предпочтения респондентов представлены на рисунке 3.

Рисунок 3 – Распределение ответов на вопрос: «За какую партию Вы голосуете?», %

Таким образом, цифровой протест в провинциальных городах Российской Федерации существенно отличается от цифровой протестной активности в крупных мегаполисах.

Если причинами и триггером протестной активности в мегаполисах становится нарушение политических свобод, политических прав на выборы и сменность власти, то причинами протеста в российской провинции становится, в первую очередь, нарушение местного экономического интереса. Жители провинциальной России знают лидеров системной и несистемной оппозиции, но они им не интересны, многие респонденты из провинциальных городов относятся к ним с опаской и недоверием. В то же время жители российской провинции активно сопротивляются нарушению их экономического интереса, в первую очередь, права на жилье. Движение обманутых дольщиков во многих российских регионах стало основой цифровой политической протестной активности. В тех регионах, где органы исполнительной власти успешно решают их проблемы (например, в Пензе), существенно снижается градус протестной активности, что приводит к закрытию представительств несистемной оппозиции, например, штабов А.А. Навального.

Ссылки:

1. Стратегии формирования установок протестного поведения в сети интернет: опыт применения киберметрического анализа (на примере Евромайдана, ноябрь 2013 г.) Ч. I. / А.А. Азаров, Е.В. Бродовская, О.В. Дмитриева [и др.]. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2014 № 2. С. 63–78. 10.14515/monitoring.2014.1.06; Баранова Г.В. Методика анализа протестной активности населения России // Социологические исследования. 2012. № 10. С. 143–152; Дементьева И.Н. Теоретико-методологические подходы к изучению социального протеста в зарубежной и отечественной науке // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2013. № 4. С. 3–12; Ним Е.Г. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 409–427.
2. Alexander J.C. Performative Revolution in Egypt: an Essay in Cultural Power. L., 2012, 160 p.; Bolsover G., Howard P. Computational Propaganda and Political Big Data: Moving Toward a More Critical Research Agenda // Big Data. 2017. Vol. 5, no. 4. P. 273–276. <https://doi.org/10.1089/big.2017.29024.cpr>; Political Polarization on Twitter [Электронный ресурс] / M. Conover, J. Ratkiewicz, M. Francisco [et al.] // Proceedings of the Fifth International AAAI Conference on Weblogs and Social Media. URL: https://www.researchgate.net/publication/221297916_Political_Polarization_on_Twitter (дата обращения: 29.10.2020); Hepp A. Mediatization and the 'molding force' of the media // Communications. 2012. Vol. 37, no.1. P. 1–28. <https://doi.org/10.1515/commun-2012-0001>; Do Social Bots Dream of Electric Sheep? A Categorisation of Social Media Bot Accounts [Электронный ресурс] / Stieglitz S., Brachten F., Ross B. [et al.] // Australasian Conference on Information Systems, Hobart, Australia. URL: <https://arxiv.org/ftp/arxiv/papers/1710/1710.04044.pdf> (дата обращения: 29.10.2020).
3. Стратегии формирования установок ... С. 65.
4. Баранова Г.В. Указ. соч. С. 144.
5. Чэнь Ди. Социальные сетевые медиа и социальные сети в концепциях американских и российских исследователей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2012. № 3. С. 223–230.

Редактор, переводчик: Невзорова Наталья Викторовна